

Copyright © 2015 by Sochi State University

Published in the Russian Federation
Bylye Gody
Has been issued since 2006.
ISSN: 2073-9745
E-ISSN: 2310-0028
Vol. 37, Is. 3, pp. 663-669, 2015
<http://bg.sutr.ru/>

UDC 341.39

The Organization of Social Support of the Population of Siberia in the Years of Russian-Japanese War (1904–1905)

Tatiana A. Kattsina

Siberian Federal University, Russian Federation
Maerchaka Str., 6, Krasnoyarsk 660075
PhD (History), Associate Professor
E-mail: kattsina@list.ru

Abstract

The article is devoted to a problem of the organization of the social help to the population in extreme conditions of wars of the beginning of the XX century. Using materials of Siberia, the author reveals the main directions of development and realization of social support of families of the lower military ranks, gives an assessment to its productivity from the point of view of the level of availability and the practice which is formed on places. Research leads to a conclusion that in the years of Russian-Japanese war social support was formed under the influence of local features and local understanding that created differentiation of its level and conditions of access; gaps of the legislation not only reduced aid effectiveness, but also did harm to value of the help.

Keywords: Siberia, Russian-Japanese War, social support, measures and forms of social support, family of the military personnel.

Введение

Актуальность темы обусловлена памятной датой – 110-летием окончания войны с Японией, а также реформами социального обеспечения и дискуссиями вокруг них. Катастрофический ход русско-японской войны во многом подтолкнул революционные события в стране, когда отчетливо просматривались тенденции за улучшение социального положения отдельных групп и слоев населения. Российское государство, вступив в январе 1904 г. в масштабный вооруженный конфликт, столкнулось с необходимостью не только мобилизовать экономику и население на противостояние военным противникам, но и выработать систему мер, призванных смягчить последствия резко усилившейся социальной мобильности.

Принимая во внимание многовариантность рассмотрения проблемы, автор статьи фокусирует внимание на организационно-правовых аспектах социальной поддержки семей нижних воинских чинов, используя материалы Сибири.

Материалы и методы исследования

Источниками для написания данной статьи послужили законодательные и нормативные акты из области правового регулирования военнослужащих и их семей в годы русско-японской войны; делопроизводственная документация из фонда 595 (Енисейское губернское управление) государственного архива Красноярского края; периодическая печать регионального (газеты «Восточное обозрение», «Сибирская жизнь», «Сибирский вестник» «Иркутские губернские ведомости», «Енисейские губернские ведомости», журнал «Сибирский наблюдатель») и муниципального (газета «Енисей») уровней; источники личного происхождения (письма и жалобы населения по вопросам назначения и выплаты пособий в административные учреждения, отложившиеся в их архивных фондах, и близкие к ним по характеру письма в местные газеты).

В работе использованы методы сравнительно-исторического, синхронного и статистического изучения, соответственно позволившие выделить региональные особенности социальной поддержки;

рассмотреть ее одновременно с другими явлениями и событиями общественной жизни; получить ряд количественных показателей о ресурсах субъектов помощи.

Обсуждение

В последнее время заметно усилился интерес к социальным аспектам жизни людей и мерам их социальной поддержки в годы войн начала XX в. [1; 2; 3; 4; 5; 6 и др.]. Следует обратить внимание на противоречивость исторических источников и мнений исследователей по общей сумме и структуре расходов на призрение в Сибири в годы войны с Японией. Так, М.В. Шиловский называет земские сборы основным источником финансирования кампании социальной поддержки семей фронтовиков [7], что противоречит материалам Енисейской губернии, где фактические затраты по этой статье были на 91,5 % [8] возмещены казной. Ю.П. Горелов и Н.Д. Ростов приводят сумму казенных и местных расходов соответственно – 4 749 371 руб. 95 коп. и 938 650 руб. 73 коп. [9], тогда как по подсчетам Н.К. Струка только в Восточной Сибири затраты казны составили 3 млн руб. [10], но и эта цифра разнится с нашими подсчетами, основанными на опубликованных (1 582 тыс. руб.) [11] и архивных (1 588 тыс. руб.) [12] источниках. Очевидно, что приведенные статистические данные требуют дальнейшего уточнения, равно как и вопросы о том, какое место в системе социальной поддержки занимали услуги, предоставляемые различными субъектами помощи, насколько эффективной оказалась работа каждого из них.

Результаты

Исходным документом в области правового регулирования помощи военнослужащим и их семьям служил «Устав о воинской повинности» (1874 г.). В начале XX в. действовала его редакция 1892 г., учитывающая три вида призрения: «1) призрение самих нижних чинов, утративших трудоспособность вследствие полученных ими на действительной службе ранений или увечий (инвалиды); 2) призрение семейств погибших на войне, безразлично от каких именно причин, то есть убитых, умерших от ран или болезней в районе военных действий и пропавших без вести, и 3) призрение семейств запасных, призванных на действительную службу» [13].

В период войны с Японией организацию попечительской работы регулировали «Временные правила об учреждении попечительств для пособия нуждающимся семействам воинов» (1877 г.), а общие нормы помощи – «Временные правила о призрении семейств чинов запаса и ратников государственного ополчения, призванных в военное время на службу» (1877 г.). Последним документом земские собрания, городские думы, волостные и сельские общества обязывались обеспечить не имеющих «достаточных собственных средств к существованию» солдатских жен и детей отапливаемым жильем (при его отсутствии) и казенным пайком, равным месячному довольствию солдата. Денежный эквивалент пособия соответствовал местной стоимости следующего количества продуктов на одного человека (без различия возраста): муки – 1 пуд 28 фунтов, крупы – 10 фунтов, соли – 4 фунта. Кроме того, органам местного самоуправления разрешалось принимать «возможные по обстоятельствам и средствам меры» к улучшению быта семей и ближайших родственников (родителей, братьев и сестер (круглых сирот), дедушек и бабушек) солдата, находящихся до призыва на его иждивении [14]. Независимо от этого, пострадавшим на военной службе нижним чинам и их семьям назначались пенсии и единовременные пособия из инвалидного капитала Александровского комитета о раненых. Обеспечение и воспитание осиротевших детей офицеров и нижних воинских чинов регламентировали «Правила об обеспечении судьбы детей лиц, погибших в войну с Японией» (1905 г.). В апреле 1906 г. был принят закон «Об обеспечении участи вдов нижних чинов, погибших в войне, а также ближайших родственников этих чинов, которые содержались их трудом».

В связи с ростом недоимок государству по налоговым платежам, манифестом 11 августа 1904 г. было решено «сложить все накопившиеся на крестьянских надельных землях недоимки в выкупных, земских и других окладных сборах» [15]. Только по Иркутской и Енисейской губерниям было снято задолженности на 61 056 руб. [16]. После окончания Русско-японской войны, манифестом 3 ноября 1905 г., изданным по личной инициативе Николая II, выкупные платежи уменьшались с 1 января 1906 г. наполовину, а с 1 января 1907 г. прекращались вовсе [17].

Особого внимания заслуживает вопрос обеспечения для населения доступности социальной поддержки. В Сибири, подобно другим не земским окраинам, работу по назначению и выдаче установленных законом пособий выполняли губернские и уездные распорядительные комитеты по призрению семейств нижних воинских чинов, а в Томской губернии – губернское управление. Особенности формирования их состава уточняло предписание министра внутренних дел «О способах объединения мер призрения семейств нижних чинов, призванных на службу из запаса и состоящих в рядах действующих войск, а также ратников государственного ополчения, в войну с Японией» (1904 г.). Порядок назначения пособий применялся в Томской губернии явочный (по личному заявлению). В Тобольской губернии обследование и постоянное наблюдение за положением и составом семей выполняли волостные старшины, и согласно собранным ими документам пособия назначались без особых заявлений. В Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях с февраля по август 1904 г. комитеты получали сведения о нуждающихся от полицейских и

сельских управлений. Затем эта часть работы сосредоточилась в уездных распорядительных комитетах, а за губернскими учреждениями сохранилось общее направление и контролирование уездных органов. Периодическое обследование положения семей практиковалось три раза в год, и в зависимости от результатов перерегистрации, пособие назначалось вновь или его выдача прекращалась [18]. В Иркутске, по предложению губернского Комитета по призрению семейств нижних воинских чинов, задачи социальной помощи исполнял Дамский комитет Российского общества Красного Креста [19].

Удельный вес призываемых семей к общему числу призванных составил 64,8 % в Томской губернии, 77,9 % – в Тобольской, 60,7 % – в Иркутском генерал-губернаторстве (губернии Енисейская и Иркутская, область Якутская), 30,1 % – в Приамурском генерал-губернаторстве (области Приамурская, Забайкальская и Приморская), 75,5 % – в Степном генерал-губернаторстве [20].

Министр внутренних дел П.Н. Дурново отметил, что «при всеобщем в последнее время стремлении к осуществлению своих прав и несомненной осведомленности населения с сущностью правил 1877 г., семьи запасных вообще широко воспользовались призрением» [21]. Это заявление, однако, не отражает настоящего положения дел. Анализ фактов, выявленных в архивных документах, дает возможность сделать вывод о невысоком уровне доступности социальной помощи. Он, как известно, зависит от ряда факторов, важнейшими из которых являются географическое расположение по отношению к месту жительства, транспортное обеспечение, прямые издержки (временные и финансовые затраты заявителей, связанные со сбором документов), доступность информации о существовании программ и условиях участия.

То обстоятельство, что помощь предоставлялась чаще по заявительному принципу, не позволяло в полной мере охватить семьи, которые по тем или иным причинам не обращались за поддержкой, хотя и нуждались в ней. Кроме того, принятие решения о назначении пособия зависело от складывающейся на местах практики, что ставило заявителей, формально находящихся в одинаковом правовом положении, в разные условия доступа к пособиям. Возможно, что эффективное и рациональное внедрение адресной социальной помощи семьям нижних воинских чинов зависело не только от организации работы распорядительных комитетов, но и от мотивации, отношения их сотрудников к клиентам. В этой связи в качестве примера лучшей практики можно рассматривать опыт Тюмени, где работа выстраивалась как предупредительная мера обнищания населения [22]. В Красноярском уезде до ноября 1905 г. продовольственное пособие выплачивалось за месяц вперед, а затем, по предписанию Енисейского губернского комитета по призрению семейств воинских чинов, – за истекший месяц [23]. В Смоленской волости (Томская губерния) не последнюю роль при назначении пособий играли родственные связи и вознаграждения, что приводило к распределению помощи в пользу относительно обеспеченных семей [24]. В Восточной Сибири в целом отмечалось «беспорядочное отношение к делу призрения сельских властей», которое выразилось «в постоянных задержках выплаты пособий и в небрежном обследовании состояния семей» [25]. Положение усугублялось неудобным порядком выдачи пособий (приходилось ездить в «известный пункт по особой повестке»), потребностью уйти с работы или оставить хозяйство ради оформления документов, где-то пристроить детей на это время, фактической невозможностью воспользоваться гужевым транспортом из-за отсутствия или финансовой недоступности. В Енисейской губернии расхищены были казенные средства, ассигнованные на пособия: 500 руб. 64 коп. – в Перовском и 152 руб. 62 коп. – в Троицко-Заозерном волостных правлениях; старшина Балахтинского волостного правления пытался присвоить сумму (17 руб. 40 коп.) нескольких продовольственных пайков. Часто при выдаче пособия от солдаток «требовали угощение и платы за расписки за неграмотных» [26]. Жители села Балахтинское оценили возможность пересмотра неправильно принятых местными учреждениями решений о приостановке или об отказе назначения выплат так: «трудно, убыточно и почти нет возможности как по недоступности на запись к должностным лицам, так и по отсутствию грамотных взрослых» [27]. Разного рода злоупотребления вызвали обращение уездных комитетов к крестьянским начальникам об усилении надзора за действиями низших сельских властей, снизили значение помощи, породили конфликты сельской администрации с частью сибирского крестьянства. Г.А. Ноздрин отметил значительное число (82) выступлений запасных солдат Сибири в декабре 1905 – январе 1906 г. [28]. Они требовали выдачи пособий своим семьям и установления разных податных и имущественных льгот, громили волостные и сельские правления, избивали сельскую администрацию.

Следует отметить, что на предоставляемую помощь сибиряки смотрели как на «жалование за взятого на войну». Казенный паек считали обязательным для «всех богатых и бедных», включая семейства и «одинок», (состоятельных и бездетных жен), «бывших на войне или вообще призывавшихся по мобилизации» солдат [29]; находили не справедливым устранение от обязательного пособия «без вины виноватых» – гражданской жены и внебрачных детей фронтовика, а также ближайших родственников, существовавших до призыва за его счет [30]. В Енисейской и Иркутской губерниях, Якутской и Забайкальской областях «размер пайка признан был недостаточным в виду отсутствия в составе его жировых веществ» [31].

Основной аргумент министра внутренних дел в пользу существующего порядка назначения пособий весьма недвусмыслен: «Врем[енные] прав[ила] 25 июня 1877 г. отнюдь не задаются общей

целью поддержать хозяйственную состоятельность населения, отвлеченного войною от обычных занятий. И не создают ни для кого определенного права на пособие, а состоят исключительно на почве призрения, стремясь доставить необходимую лишь помощь семьям запасных в минуту острой нужды, вызванной призывом главы семьи на защиту родины. [...] Из того обстоятельства, что сам закон установил помощь семьям запасных натурою, приурочив выдаваемый паек к количеству пищевых продуктов, достаточному лишь для пропитания нуждающихся, нельзя не заключить, что лица, имеющие возможность некоторое время просуществовать на свои средства, не подходят к категории лиц, которых имеет в виду в данном случае закон, т. к., очевидно, что доставление им установленного законом вида вспомоществования за прожитое время было бы бесполезно для цели призрения» [32]. Однако, как уже было показано, принцип адресности, а именно распределение помощи в пользу семей с низким уровнем доходов на основе проверки нуждаемости, не получил широкой общественной поддержки, был связан с определенными издержками и для самих получателей пособий.

Городские думы, волостные и сельские общества, благотворительные организации оказывали дополнительную помощь, расширяя круг ее получателей, генерируя разнообразные меры и формы социальной поддержки. К числу важных аспектов их деятельности в военные годы относится обеспечение населения жилой площадью. В восточносибирских городах жилищная помощь выражалась в найме общих квартир для одиноких жен военнослужащих, но от проживания в таких помещениях жены нижних чинов обычно отказывались [33]. В селах Енисейской губернии отдельное жилье нуждающимся семьям фронтовиков оплачивалось из мирских сумм [34], в городах Западной Сибири – из местного бюджета или благотворительных пожертвований [35]. Например, томское городское самоуправление с февраля по апрель 1904 г. израсходовало 3424 руб. на жилищные субсидии 511 семьям запасных нижних чинов и ратников ополчения, за этот же период 1905 г. – 5038 руб. 50 коп. – 749 семьям; местный «Дамский комитет по оказанию помощи семьям призванных на войну воинов» за это же время, и в этих же целях выплатил соответственно 2955 руб. 52 коп. (в месяц в среднем 320 семьям) и 4493 руб. 50 коп. (в месяц в среднем 416 семьям), кроме того назначал «квартирные деньги» «лицам, особенно нуждающимся», но не имеющим права на государственную поддержку [36].

В Тобольской губернии волостные попечительства заведовали «исключительно оказанием необязательной помощи населению» из средств, собиравшихся путем пожертвований, и служили, совместно с уездными отделениями, исполнительными органами губернского комитета. Совокупная благотворительная деятельность губернского комитета, уездных его отделений и волостных попечительств, достигла «значительных результатов (всего выдано 94434 руб. 46 коп.) и содействовала поддержанию хозяйств призванных» [37].

Дамские комитеты (Красноярский, Иркутский, Томский и Тобольский) помощь семьям фронтовиков проявляли в двух различных формах: 1) как жизненно необходимая помощь (предоставление заработка, бесплатного жилья, продуктов питания, теплой одежды, денежных пособий), подразделяющаяся на текущую и разовую, 2) как помощь в особых жизненных ситуациях (болезнь, потеря имущества от пожара, оплата транспортных расходов при переезде семьи на родину и т. п.) [38].

В Сибирском военном округе, в состав которого тогда входили Тобольская, Томская, Енисейская, Иркутская губернии, Акмолинская, Семипалатинская и Якутская области, общие денежные затраты на призрение семей запасных и ратников государственного ополчения, принятых на действительную службу в войну с Японией, составили более 7391 тыс. руб. Структура расходов была следующей: государственные субсидии земствам и заменяющим их учреждениям – 84,77 %, городским общественным управлениям – 0,42 %; затраты из местных средств: земских – 6,28 %, городских – 3,13 %, сельских обществ – 2,36 %, пожертвований – 3,03 %, сословных обществ – 0,01 % [39].

Заключение

Завершая, хочется отметить, что в ходе русско-японской войны законодательство было ориентировано на закрепление, упорядочение и небольшую корректировку ранее сложившейся нормативно-правовой базы в области защиты военнослужащих и их семей. В то же время были сделаны первые юридические попытки ввести государственное ассигнование и распределение денежных средств в помощь семьям фронтовиков; скоординировать деятельность исполнителей социальных задач, – административных и благотворительных организаций. Пробелы в сфере правового регулирования не только снизили эффективность помощи, но и обернулись компрометацией.

Слабое государственное регулирование в сфере стандартов общественного призрения создало диспропорции в уровне социальной помощи, ее доступности для населения в зависимости от места проживания. Многие решения по отдельным случаям представляли собой «решения по усмотрению», определяемые местными властями по собственным правилам. Принцип распределения помощи в пользу семей с низким уровнем доходов и потребления на основе проверки

нуждаемости, практиковался всеми субъектами социальной поддержки, но не имел широкой общественной поддержки, был связан с определенными издержками для самих получателей помощи.

Органы местного самоуправления и благотворительные организации, исходя из имеющихся возможностей, расширяли круг получателей помощи, использовали более разнообразные (по сравнению с государственными стандартами) меры и формы социальной поддержки, но их денежные ресурсы были намного меньше тех, которые выделяло государство на призрение семей запасных и ратников государственного ополчения, принятых на действительную службу в войну с Японией.

Благодарности

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 13–11–24002 «Социальное попечение в Восточной Сибири в условиях войн начала XX века».

Примечания:

1. Булгакова Л.А. Привилегированные бедняки: Помощь солдатским семьям в годы Первой мировой войны // На пути к революционным потрясениям: из истории России второй половины XIX – начала XX века: материалы конференции памяти В.С. Дякина, 24–25 мая 1999 г. / ред. Р.Ш. Ганелин, Б.Б. Дубенцов, И.В. Лукоянов. СПб., Кипченев: Nestor-Historia, 2001. С. 437–438.
2. Павлова И. П. Социальное попечение в России в годы Первой мировой войны: монография; Красноярский государственный аграрный университет. Красноярск, 2003. 152 с.
3. Пушкарева Н.Л., Щербинин П.П. Организация призрения семей нижних чинов в годы Первой мировой войны // Журнал исследований социальной политики. 2005. Т. 3. № 2. С. 147–162; Щербинин П.П. Военный фактор в повседневной жизни русской женщины в XVIII – начале XX в.: монография. Тамбов: «Издательство Юлис», 2004. 508 с.; Щербинин П.П. Особенности призрения военных инвалидов и членов их семей в России в XVIII – начале XX века // Вестник Воронежского государственного университета. Серия Гуманитарные науки. 2005. № 2. С. 222–233.
4. Горелов Ю.П. Сибиряки на защите Отечества в войнах начала XX века: научное издание; Кемеровский государственный университет. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2003. 385 с.
5. Полуаршинов А.В. Помощь общественных организаций и населения Западной Сибири фронту и пострадавшим от войны: июль 1914 – февраль 1917 гг.: автореф. дис. ... кандидата ист. наук : 07.00.02. Омск, 2005. 27 с.
6. Kattsina T.A. The "vast process of social construction..." in Siberia during World War I (1914–1918) // Terra Sebus. 2014. Special Issue. P. 245–258.
7. Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 г. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 2. С. 14.
8. Государственный архив Красноярского края (ГАКК). Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 538об.
9. Горелов Ю.П., Ростов Н.Д. Оказание помощи семьям нижних воинских чинов в Западной Сибири в годы Русско-японской войны (1904–1905 гг.) // Сибирь в войнах начала XX в. Материалы Сибирского исторического форума. Красноярск, 3–6 декабря 2013 г. Красноярск, 2014. С. 148.
10. Струк Н.К. Помощь государства малоимущим крестьянам Восточной Сибири в период Русско-японской войны 1904–1905 гг. // Дуловские чтения 1992 г. Тезисы докладов и сообщений. Иркутск, 16–17 октября 1992 г. Ч. 1. Иркутск, 1992. С. 81.
11. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения, призванных на действительную службу в Русско-японскую войну (февраль 1904 – октябрь 1906). СПб.: типография Министерства внутренних дел, 1907. С. 114–115.
12. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 533.
13. Рудин Н. Пенсии и пособия солдатам, вдовам и сиротам нижних воинских чинов. Пг.: типография Д.П. Вейсбрута, 1915. С. 7.
14. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собрание второе. Т. LII. № 57503.
15. ПСЗ. Собрание третье. Т. XXIV. № 25014.
16. Струк Н.К. Указ. соч. С. 80.
17. Куликов С.В. Император Николай II как реформатор: к постановке проблемы // Российская история. 2009. № 4. С. 49.
18. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 67–68.
19. Восточное обозрение. 1904. 6 апреля.
20. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 105.
21. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 193об., 194.
22. Иряк Н.И. Письма из городов. Из Тюмени // Сибирский наблюдатель. 1904. Книга 5 (май). С. 132.
23. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 53.
24. Сибирская жизнь. 1905. 10 июня.
25. ГАКК. Ф. 595. Оп. 29. Д. 202. Л. 1–3; Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 68–69; Комарова Т.С. «На сопках Маньчжурии...» (Енисейская губерния в годы Русско-японской войны 1904–1905 гг.). Красноярск: ИП Азарова Н. Н., 2013. С. 62–64.

26. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 538, 76, 76об.
27. Там же. Л. 76.
28. Ноздрин Г.А. Социальный протест сибирского крестьянства во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник Томского государственного университета. 2005. Вып. 288. С. 146.
29. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 169–170об.; Сибирская жизнь. 1905. 5 марта.
30. Сибирская жизнь. 1904. 1 октября.
31. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 68–69.
32. ГАКК. Ф. 595. Оп. 34. Д. 424. Л. 193, 193об.
33. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 67–68.
34. Там же. С. 69; 10.
35. Сибирская жизнь. 1904. 16 марта; Сибирская жизнь. 1904. 10 июля.
36. Сибирская жизнь. 1904. 19 мая; Сибирская жизнь. 1904. 15 августа; Сибирская жизнь. 1905. 18 февраля; Сибирская жизнь. 1905. 13 мая.
37. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 67–68.
38. Енисейские губернские ведомости. 1904. 2 марта; Сибирская жизнь. 1904. 21 апреля; Иркутские губернские ведомости. 1904. 12 июня; Отчет о деятельности Тобольского Дамского Комитета Красного Креста за время с 7-го февраля 1904 г. по 1-е января 1905 г. Тобольск, 1905. 42 с.
39. Отчет по призрению семейств запасных и ратников ополчения... Указ. соч. С. 114–115.

References:

1. Bulgakova L.A. Privilegirovannye bednyaki: Pomoshch' soldatskim sem'yam v gody Pervoy mirovoy voyny // Na puti k revolyutsionnym potryaseniyam: iz istorii Rossii vtoroy poloviny XIX – nachala XX veka: materialy konferentsii pamyati V.S. Dyakina, 24–25 maya 1999 g. / red. R.Sh. Ganelin, B. B. Dubentsov, I.V. Lukoyanov. Spb., Kishenev: Nestor-Historia, 2001. S. 437–438. (In Russian)
2. Pavlova I. P. Sotsial'noe popechenie v Rossii v gody Pervoy mirovoy voyny: monografiya; Krasnoyarskiy gosudarstvennyy agrarnyy universitet. Krasnoyarsk, 2003. 152 s. (In Russian)
3. Pushkareva N.L., Shcherbinin P.P. Organizatsiya prizreniya semei nizhnikh chinov v gody Pervoy mirovoy voyny // Zhurnal issledovaniy sotsial'noy politiki. 2005. T. 3. № 2. S. 147–162; Shcherbinin P.P. Voennyi faktor v povsednevnoy zhizni russkoy zhenshchiny v XVIII – nachale XX v.: monografiya. Tambov: «Izdatel'stvo Yulis», 2004. 508 s.; Shcherbinin P.P. Osobennosti prizreniya voennykh invalidov i chlenov ikh semei v Rossii v XVIII – nachale XX veka // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Gumanitarnye nauki. 2005. № 2. S. 222–233. (In Russian)
4. Gorelov Yu.P. Sibiryaki na zashchite Otechestva v voynakh nachala XX veka: nauchnoe izdanie; Kemerovskiy gosudarstvennyy universitet. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2003. 385 s. (In Russian)
5. Poluarshinov A.V. Pomoshch' obshchestvennykh organizatsiy i naseleniya Zapadnoy Sibiri frontu i postradavshim ot voyny: iyul' 1914 – fevral' 1917 gg.: avtoref. dis. ... kandidata ist. nauk : 07.00.02. Omsk, 2005. 27 s. (In Russian)
6. Kattsina T.A. The "vast process of social construction..." in Siberia during World War I (1914–1918) // Terra Sebus. 2014. Special Issue. P. 245–258.
7. Shilovskiy M.V. Vliyaniye Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 g. na vnutrennyuyu zhizn' Sibiri // Gumanitarnye nauki v Sibiri. 2004. № 2. S. 14. (In Russian)
8. Gosudarstvennyy arkhiv Krasnoyarskogo kraya (GAKK). F. 595. Op. 34. D. 424. L. 538ob.
9. Gorelov Yu.P., Rostov N.D. Okazanie pomoshchi sem'yam nizhnikh voinskikh chinov v Zapadnoy Sibiri v gody Russko-yaponskoy voyny (1904–1905 gg.) // Sibir' v voynakh nachala XX v. Materialy Sibirskogo istoricheskogo foruma. Krasnoyarsk, 3–6 dekabrya 2013 g. Krasnoyarsk, 2014. S. 148. (In Russian)
10. Struk N.K. Pomoshch' gosudarstva maloimushchim krest'yanam Vostochnoy Sibiri v period Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg. // Dulovskie chteniya 1992 g. Tezisy dokladov i soobshcheniy. Irkutsk, 16–17 oktyabrya 1992 g. Ch. 1. Irkutsk, 1992. S. 81. (In Russian)
11. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya, prizvannykh na deystvitel'nuyu sluzhbu v Russko-yaponskuyu voynu (fevral' 1904 – oktyabr' 1906). SPb.: tipografiya Ministerstva vnutrennikh del, 1907. S. 114–115. (In Russian)
12. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 533.
13. Rudin N. Pensii i posobiya soldatam, vdovam i sirotam nizhnikh voinskikh chinov. Pg.: tipografiya D. P. Veysbruta, 1915. S. 7. (In Russian)
14. Polnoe sobranie zakonov Rossiyskoy imperii (PSZ). Sobranie vtoroe. T. LII. № 57503.
15. PSZ. Sobranie tret'e. T. XXIV. № 25014.
16. Struk N.K. Ukaz. soch. S. 80. (In Russian)
17. Kulikov S.V. Imperator Nikolay II kak reformator: k postanovke problemy // Rossiyskaya istoriya. 2009. № 4. S. 49. (In Russian)
18. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 67–68. (In Russian)
19. Vostochnoe obozrenie. 1904. 6 aprelya.
20. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 105. (In Russian)

21. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 193ob., 194.
22. Iryak N.I. Pis'ma iz gorodov. Iz Tyumeni // Sibirskiy nablyudatel'. 1904. Kniga 5 (may). S. 132. (In Russian)
23. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 53.
24. Sibirskaya zhizn'. 1905. 10 iyunya.
25. GAKK. F. 595. Op. 29. D. 202. L. 1–3; Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 68–69; Komarova T.S. «Na sopkakh Man'chzhurii...» (Eniseyskaya guberniya v gody Russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg.). Krasnoyarsk: IP Azarova N. N., 2013. S. 62–64. (In Russian)
26. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 538, 76, 76ob.
27. Tam zhe. L. 76.
28. Nozdrin G.A. Sotsial'nyy protest sibirskogo krest'yanstva vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2005. Vyp. 288. S. 146. (In Russian)
29. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 169–170ob.; Sibirskaya zhizn'. 1905. 5 marta.
30. Sibirskaya zhizn'. 1904. 1 oktyabrya.
31. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 68–69. (In Russian)
32. GAKK. F. 595. Op. 34. D. 424. L. 193, 193ob.
33. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 67–68. (In Russian)
34. Tam zhe. S. 69; 10.
35. Sibirskaya zhizn'. 1904. 16 marta; Sibirskaya zhizn'. 1904. 10 iyulya.
36. Sibirskaya zhizn'. 1904. 19 maya; Sibirskaya zhizn'. 1904. 15 avgusta; Sibirskaya zhizn'. 1905. 18 fevralya; Sibirskaya zhizn'. 1905. 13 maya.
37. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 67–68. (In Russian)
38. Eniseyskie gubernskie vedomosti. 1904. 2 marta; Sibirskaya zhizn'. 1904. 21 aprelya; Irkutskie gubernskie vedomosti. 1904. 12 iyunya; Otchet o deyatel'nosti Tobol'skogo Damskogo Komiteta Krasnogo Kresta za vremya s 7-go fevralya 1904 g. po 1-e yanvarya 1905 g. Tobol'sk, 1905. 42 s.
39. Otchet po prizreniyu semeystv zapasnykh i ratnikov opolcheniya... Ukaz. soch. S. 114–115.

УДК 341.39

**Организация социальной поддержки населения Сибири
в годы русско-японской войны (1904–1905 гг.)**

Татьяна Анатольевна Катцина

Сибирский федеральный университет, Российская Федерация
660075, Россия, г. Красноярск, ул. Маерчака, 6
Кандидат исторических наук, доцент
E-mail: katsina@list.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме организации социальной помощи населению в экстремальных условиях войн начала XX в. Используя материалы Сибири, автор выявляет основные направления разработки и реализации социальной поддержки семей нижних воинских чинов, дает оценку ее результативности с точки зрения уровня доступности и формирующейся на местах практики. Исследование приводит к выводу, что в годы русско-японской войны социальная поддержка формировалась под влиянием местных особенностей и локального понимания, что создало дифференциацию ее уровня и условий доступа; пробелы законодательства не только снизили эффективность помощи, но и обернулись компрометацией.

Ключевые слова: Сибирь, русско-японская война, социальная поддержка, меры и формы социальной поддержки, семьи военнослужащих.